

# ЭТИКА И РЕВОЛЮЦИЯ<sup>1</sup>

Рубен Апресян

100-летие революции вызвало в широкой печати столько публикаций о революционном 1917-м, в особенности о Февральской революции, сколько не было, возможно, за все предшествующее без малого столетие, с конца 1920-х годов. Образовавшийся вдруг дискурс столетия революции, при всем разбросе мнений и переживаний по случаю этой даты, позволил многим начать мыслить февральские и октябрьские события как составляющие *единого революционного процесса*. Это важная перемена во взгляде на 1917 год. Она возвращает российскому общественному самосознанию представления столетней давности. Случившаяся перемена существенна для понимания исторических и нравственных смыслов той политической бури, которая, пробушевав в 1917-м, продолжилась в последующие несколько лет в кровавой смуте Гражданской войны и в непрекращающихся политических репрессиях, проводившихся установившимся на несколько десятилетий в России/СССР большевистского режима.

Новый взгляд на 1917 год уже проявился в де-номинации исторических событий. Определение «Великая Октябрьская социалистическая революция» фактически ушло из публичной речи, сохраняясь лишь в словаре приверженцев коммунистической идеи. В обиход вошло новое понятие – «Русская революция», охватывающее как Февральскую революцию, так и Октябрьскую революцию. Разведение и даже противопоставление этих событий в советской историографии – результат намеренных усилий, которыми была успешно произведена знаменательная подмена. Свержение царя вызвало в широких массах российского населения гражданское воодушевление, пьянящее ощущение наступления эпохи свободы и справедливости. В советской историографии и пропаганде те общественные настроения были пристегнуты к Октябрьской революции, между тем как Февральская революция, отодвинутая на периферию общественного внимания, была представлена через политическую немощь сменявшихся один за другим кабинетов временного правительства, углубляющемся экономическим кризисом, ширившимися поражениями на фронтах Мировой войны и «пустословием» лидеров Февраля. Спустя сто лет отказ от возвеличивания Октябрьской революции знаменателен и свидетельствует о начавшейся в массовом сознании ее переоценке.

Каковы ожидаемые траектории углубления этой переоценки и по каким критериям ее следует проводить? Возможны два кардинально различающихся подхода к оценке событий и действий (а также совершающих их личностей): деонтологический, согласно которому события и действия оцениваются в соответствии с теми ценностями и принципами, которые мотивировали их совершение, и консеквенциалистский, согласно которому оценка производится в соответствии с тем, насколько результаты свершившихся событий или предпринятых действий воплощают определенные

---

<sup>1</sup> Оригинал эссе, в несколько измененном виде выставленном на сайте РБК 04.10.2017 под названием «Новая этика: в России меняется отношение к революции», [http://www.rbc.ru/spb\\_sz/04/11/2017/59fc83719a79477dc9c4e601](http://www.rbc.ru/spb_sz/04/11/2017/59fc83719a79477dc9c4e601).

ценности и принципы. Моральные ценности – просты и однозначны: они ориентируют на недопустимость причинения вреда, на поддержание равенства и справедливости, на утверждение блага человека и общества. Становясь руководством к действию, ценности предстают в виде принципов. Признание в качестве моральных именно названных ценностей – есть отказ от «этики Октября», которая целиком была сведена большевиками к политике захвата власти и удержания ее любой ценой, с помощью всех возможных средств – жонглированием политическими лозунгами, попранием закона (под видом «революционной законности»), систематической терроризацией всех слоев населения, подкреплявшейся выборочным и всеобщим его уничтожением.

Все революции как массовые движения, направленные на изменение существующего политического режима, вдохновляются намерением искоренить социальное зло и установить справедливость. Как таковые революции этически оправданны. Однако революционное изменение политического режима начинается с его свержения, т.е. в нарушение принятых законных процедур. Революции замешаны на применении неконституционных средств, и этот замес чреват расползанием пространства беззакония и эскалацией насилия, в особенности когда вольница опьяневшей от беззакония революционной массы не обуздывается вождями, а то и, наоборот, разжигается.

Революции начинаются с провозглашения лозунгов, неизменно привлекательных для народа и как правило отвечающих его чаяниям, но осуществляются они посредством социально-политических действий, практическими результатами которых проверяется революционная искренность вождей, провозгласивших эти лозунги и возбудивших массы на революционные действия. В Русской революции сползание революционного движения в стихию, во многих своих проявлениях *«бессмысленную и беспощадную»*, можно было видеть на всех стадиях от Февраля к Октябрю, а после Октября в особенности. В февральский период революции насилие было проявлением эксцессов низовой стихии; в октябрьский – оно стало методом государственной политики, причем настолько, что само по себе применение этого метода сплошь и рядом становилось проявлением этой политики и ее доминирующей целью.

Согласно социальным опросам, подавляющее число россиян считают неприемлемым решение политических задач революционными методами. Россияне хранят память революции. Но это память не Февральской революции как порыва к свободе и справедливости, а Октябрьской революции, однозначно ассоциируемой с массовым насилием и неисчислимостью человеческих жертв.

Какими бы высокими ни были провозглашаемые цели революции, определяющим в ее оценке должно быть то, какой в действительности ценой были достигнуты ее результаты, какое бремя легло на народ и кто оказался ее действительными бенефициарами? Насколько дела революционных вождей, их сподвижников, их исполнительской массы соответствовали словам вождей, насколько их слова о «счастье народа» сочетались с заботой о самом народе, а значит, практически выражались в непричинении людям вреда, сохранении у них возможности своим трудом обеспечивать

себя и свои семьи, а также деятельно способствовать благополучию и процветанию общества, реализовывать свои творческие инициативы, проявлять гражданскую активность, воздействовать на политические процессы в стране и т.д.? Ни одна революция, предпринимавшаяся коммунистическими партиями, а Октябрьская революция, которой обернулся революционный порыв 1917 года, была первой в их продолжительном ряду, не отвечает этим нравственным критериям. Все они вели к установлению репрессивных, антинародных, тоталитарных режимов, отличавшихся друг от друга лишь по степени жестокости и длительности своего исторического существования.

Не только коммунистические революции вели в XX веке к таким результатам. Но отнюдь не все революции в XX веке были такими. Антикоммунистические революции в странах Центральной Европы 1989–1990 годов были осуществлены посредством политического насилия, но насилие, примененное по отношению к институтам власти, не было вооруженным, оно не выплеснулось за рамки процесса смены власти, оно не было обращено против людей, собственности, общественных институтов (хотя, разумеется, со временем смена политического режима повлияла на изменение хозяйственного порядка и общественных институтов). Направленные на установление демократии посредством демократической политики и демократически проводимых социальных преобразований, те революции демонстрируют возможность совсем другого по типу политического действия и как таковые требуют другого отношения, чем обернувшаяся национальной катастрофой революция в России в 1917 году.